

**Модератор:** У нас есть три установочных доклада. Начнет Михаил Эгонович Дмитриев, недавно выступивший с очередным докладом «Между Крымом и кризисом», и по нашей просьбе, любезно согласившийся сделать небольшое сообщение на эту тему. Вторым выступающим – Олег Чернозуб, руководитель отдела мониторинговых исследований ВЦИОМ. Он представит результаты трех волн так называемого кризисного мониторинга. Это наш исследовательский проект, который мы с января запустили, в ожидании, что социально-экономический кризис, будет иметь существенное влияние, в том числе и на политические предпочтения граждан России. Сейчас, по итогам трех волн, мы уже имеем возможность сделать какие-то выводы и заключения. И третий доклад представит Михаил Слесаренко. Это наш коллега – уже не знаю, как сказать, из Украины или из России. Будем считать, что эти две страны все-таки очень близки и взаимно проникают в разных формах. И Михаил Слесаренко, как очевидец прошлогодних событий в Киеве и в других городах Украины, по нашей просьбе, выскажет свою точку зрения о том, насколько возможен «оранжевый» сценарий, неоднократно осужденной и обсужденной в России (2004-2005-2006 годах), как ни странно, вновь оказавшейся в центре дискуссии и в центре нашего с вами внимания. Это три доклада. Я думаю, они займут около часа. Может быть, совсем чуть-чуть больше. И затем у нас будет час для выступлений в свободной дискуссии. Ко всем желающим просьба – передавать записки модератору, коим являюсь я. Спасибо, умолкаю. Михаил Эгонович, первое слово за вами.

**Дмитриев М. Э. (партнерство "Новый экономический рост"):** Уважаемые участники дискуссии, материалы нашего доклада несколько раз представлялись в разных аудиториях. Предварительные соображения я представлял на предыдущем научном совете. Я знаю, что многие участники были. Но сейчас я хочу сформулировать некоторые обобщения, которые для нас самих стали ясны только после того, как мы немножко пожили в материале, представленном в докладе. Эти соображения очень важны с точки зрения темы сегодняшнего обсуждения, а именно формулирования разумных сценариев. То, что мы делали, когда готовили наш доклад, мы использовали наши собственные исследовательские материалы лишь как один маленький компонент ретроспективного анализа событий за последние, примерно, 8-10 лет. И попытались сопоставить информацию из разных источников о том, как менялись

разные аспекты социально-экономических приоритетов, социального и политического поведения населения в течение этого периода, собрав, своего рода, хронологию событий. И эта хронология событий позволила нам немножко по-иному взглянуть на возможные причинно-следственные связи: что на что влияет и как разные аспекты социального и политического поведения российского населения могут быть более фундаментально связаны между собой. Это все еще, не более чем, возможная интерпретация взаимосвязи. Не следует рассматривать этот материал как доказательную базу, скажем так, с четкими эмпирическими доказательствами того, что такие взаимосвязи между разными аспектами существуют. Но, на мой взгляд, то, что мы наблюдаем некоторые совпадения в изменениях разных социальных установок, политического поведения и политических настроений, на мой взгляд, дает важный материал для дальнейшего размышления. И он позволяет, в частности, сформулировать сценарии, в которых события выстраиваются в соответствии с логикой выявленных взаимосвязей. Они вытекают именно из логики тех взаимодействий, которые мы наблюдали в последнее время. Не факт, что предлагаемые нами сценарии – это, скажем так, наиболее вероятно возможная перспектива развития событий, но они как бы опираются на те объяснения, которые мы попытались получить в ходе нашего анализа. И объяснения эти связаны с тем, что все-таки эволюция российского общества за последние 15 лет отталкивалась от одного очень важного фундаментального фактора. Этот фундаментальный фактор – резкий совершенно беспрецедентный скачок уровня потребления населения. Мы ни по одному из параметров реальному не превысили настолько показатели советской эпохи, как по личному потреблению населения. Здесь приведены данные личного потребления в системе национальных счетов – зеленой линией. Оно увеличилось в два с половиной раза по сравнению с советским периодом – по сути дела, это в два с половиной раза на душу населения. Именно из-за этого процесса мы можем выстроить некую хронологию изменений, в которые социальные установки отчасти перекликаются с тем, как менялся уровень жизни. Здесь показаны эти периоды изменений. Я их сейчас не буду называть на этой условной шкале, я пройду по ним в дальнейшем в презентации. Но, на мой взгляд, во всем этом есть некая проинтуитивная логика, которую не следует путать с общим процессом социально-экономической модернизации страны. Если мы посмотрим на уровень модернизованности российского общества, то эта классическая шкала World Value Survey. Я не к тому, чтобы использовать ее как ориентир и критерий

модернизации. Но она показывает то, что, в принципе, общая система ценностей общества, которую можно рассматривать как некий показатель сдвигов массового сознания, модернизированности, немодернизированности – она крайне инерционна. Россия в этой шкале занимает место, которое не соответствует ее уровню дохода. В принципе, то, что мы видим, допустим, по ценностям в системе «Евробарометр» или World Value Survey, изменения в ценностях российского общества происходят. Они происходят, в принципе, примерно в том направлении, которое можно было бы ожидать, исходя из, скажем так, условных прогнозов теории модернизации. Например, доверие по евробарометру за последнее десятилетие выросло очень сильно, Россия уже приблизилась к уровню развитых европейских стран типа Испании и даже Франции, обогнав Болгарию и ряд других стран Восточной Европы, от которых мы сильно отставали ранее. Но, тем не менее, этот процесс инерционный, и наш материал не об этом. Наш материал, скорее, о других, гораздо более подвижных приоритетах, которые меняются быстрее, но, тем не менее, как мы обнаружили, тоже связаны с уровнем модернизированности и немодернизированности определенных аспектов поведения людей. Собственно, вот с чего российское общество начинало 2000 годы. По сути дела, из-за кризиса 1990 годов люди были очень четко сфокусированы на текущем потреблении. Вопросы текущего потребления занимали первое место в шкале приоритетов. Это один из опросов фонда «Общественное мнение» 2002 года, но таких опросов было много. Они в основном указывают примерно на одно и то же. Проблемы, которые условно можно отнести к более долгосрочным проблемам домохозяйств, например, проблемы образования, здравоохранения, жилья, по этому опросу указало совсем немного людей. Например, жилье и ЖКХ – всего 2%, здравоохранение, образование и культура – все вместе 5%. Такого рода структура приоритетов поддерживалась довольно долгое время. Она в некотором смысле коррелирует с базовыми экономическими установками на выживание, связанные с низким уровнем текущего потребления. Но дальше произошло то, о чем я уже сказал: именно в 2000 годы произошел резкий скачок уровня текущего потребления. В два с половиной раза мы выросли не за 20 лет, а за 10. Примерно с 1999 года, начался ускоренный рост, и это неким естественным образом заставило людей думать о других проблемах. Уровень текущего потребления по многим параметрам приблизился к показателям развитых стран, а по некоторым позициям даже превысил их. Например, по распространению сотовой связи мы опередили все

развитые страны мира, за исключением одной или двух. Мы занимаем 2-3 место в мире по числу абонентов сотовой связи на сто человек населения. В результате мы получили довольно заметную сдвигу по одному измерителю: вот те приоритеты, которые условно можно отнести к приоритетам развития (жилье, вопросы коммунальных услуг, здравоохранение, образование, эффективность государственной власти) эти приоритеты впервые в нашем опросе 2012 года оказались значимы для большинства регионов России, по крайней мере тех, в которых был наш опрос. До этого в основном их отмечали представители среднего класса, отличавшиеся, естественно, более высокими показателями уровня жизни и опережающим изменениям ценности по многим измерениям. Но в 2012 году это произошло везде. Надо сказать, что в этот период мы наблюдали много других изменений, которые, видимо, были тесно связаны с этой подвижкой, отходом значимости текущего потребления на второй план и замещения многих приоритетов текущего потребления повышением значимости тех потребностей, которые оказались в меньшей степени удовлетворены к тому времени. В частности, с этим, на наш взгляд, связана и волна протестов 2011-2012 годов. Об этом я буквально пару слов скажу чуть позже. Самое главное, что к тому моменту, когда это переключение произошло, по разным причинам социально-экономическая система в России оказалась менее готова к тому, чтобы удовлетворять именно возросший запрос на развитие. Вот здесь два раунда обследования института социологии, которые очень познавательны с этой точки зрения, потому что они показывают, чего удалось добиться представителям среднего класса за три года, предшествовавшие обследованию. Это вопросы, которые задавались в нескольких раундах опросов, в частности – в 2003 и 2014 году.. Получается, что по большинству вопросов, связанных с развитием, в частности повышению уровня образования, получения повышения на работе или поиск подходящей работы, улучшение жилищных условий, открытие собственного дела, в первые годы 2000-ых, когда это, в общем-то, было приоритетным для очень малой доли населения, людям гораздо легче удавалось решать эти проблемы, чем в течение трех лет, предшествующих опросу 2014 года. Налицо было смещение в сторону приоритетов, которые не соответствовали возможностям их удовлетворения в тех социально-экономических реалиях, с которыми имели дело. Дело не только в протестах 2011-2012 годов. Был еще очень важный аспект, который мы по-настоящему поняли, насколько он значим для понимания эволюции общественных приоритетов – это состояние настроений

населения в конце 2013 года. Здесь мы в декабре 2013 года проводили собственные исследования, и есть довольно много данных других социологических центров, которые показывают, что в некотором смысле конец 2013 года оказался пиком вот этой разочарованности. В нашем качественном исследовании мы обнаружили, что подавляющее большинство респондентов к этому моменту утратило какую-либо веру в возможность России развиваться. Именно с точки зрения тех приоритетов, о которых я говорил: образование, здравоохранение, конкурентоспособность, эффективность власти и так далее. В это же время довольно сильно подвинулись в негативную сторону оценки власти. И вот здесь показаны многие показатели «Левада-Центра», их, на самом деле, гораздо больше, и получилось так, что именно в конце 2013 года они все упали до довольно низких уровней, в том числе уровни индекса оценок власти, по «Леваде» одобрения Путина достигло минимума именно в этот момент, индекс ожидания социальных настроений и, что особенно важно, отношение к разного рода социальным группам, на которые население могло перенести разочарование в том, что их приоритетные ожидания почему-то не реализуются. В 2013 году наши данные, здесь приведены данные опросов «Левады», но все они ориентированы примерно в одном и том же направлении. Появились две категории, на которые люди стали переносить разочарование, негативы и агрессии – это чиновники, которые вытеснили олигархов и впервые, на наш взгляд, это произошло именно в 2013 году, когда острый негатив в отношении олигархов, доминировавших длительное время в прошлом, оказался совмещен с не менее острым негативом в отношении чиновников, и резко не очень мотивированно с точки зрения социально-экономических реалий 2013 года выросло негативное отношение к мигрантам. Мы рассматриваем это как свидетельство переноса агрессии, связанное с нарастанием неудовлетворенности и разочарования в возможности развития, на конкретные социальные группы внутри страны, которые по каким-то причинам на это время оказались удобной мишенью. И вот из этого отправного момента мы совершенно иначе можем интерпретировать события 2014 года. Потому что в этом контексте усиление внешнеполитических приоритетов может быть интерпретировано иначе. Оно может быть интерпретировано именно в контексте смены социально-экономических установок, причем необязательно поступательной, но и возвратной. Видимо, очень многие сойдутся в том, что первые месяцы 2014 года в обществе прошли под сильным впечатлением от внешнеполитических успехов России – отчасти в связи с Олимпиадой, отчасти в

связи с быстрым и относительно легким присоединением Крыма. Это все было воспринято как успехи. Вот здесь показаны оценки разных аспектов деятельности властей населением по итогам первого полугодия 2014 года, и видно, что все другие проблемы вытеснены высоким уровнем позитива, который население вкладывало в интерпретацию внешней политики. Есть много других опросов, которые указывают на то же. В первые месяцы 2014 года внешняя политика стала неким символом достижений страны. На наш взгляд, если бы не было такого пессимизма в конце 2013 года, то, может быть, такой большой энтузиазм по поводу внешнеполитических событий тоже был бы невозможен, потому что эти события можно интерпретировать как переключение запроса на развитие из внутренней политики, где подавляющая часть общества ощутила некую безысходность на внешнюю политику, где внезапно в более узком формате все-таки в понимании большинства населения возникли возможности для успехов и достижений. По сути дела, первое полугодие 2014 года шло под знаком некоего переключения или сублимации приоритетов внутреннего развития на внешние достижения, которые рассматривались как компенсация того, что внутри страны развиваться по каким-то причинам не получается. Это изменило очень многое в настроениях людей. Я не буду комментировать, каким образом это происходило. Но дальше в свете этого можно интерпретировать второе полугодие. Второе полугодие тоже прошло под знаком высокой приоритетности внешней политики. Но интерпретация этой приоритетности оказывается совершенно другой: с гораздо меньшей значимостью достижений, но с гораздо большей значимостью угроз. Внешняя политика постепенно стала восприниматься как одна из угроз. В связи с усилением кризисных явлений в экономике она стала конкурировать с угрозами со стороны экономики. Более того, эти угрозы и ощущение опять-таки того, что даже во внешней политике полоса успехов и достижений закончилась, вызвали дополнительное обострение агрессии в массовом сознании. Страх, агрессии – как угодно. Но эта агрессия переключилась на внешних врагов. В начале 2014 года США, по крайней мере, по данным «Левады», которые мы в данном случае использовали, менее 20% негативно относилось к США – это ниже многих исторических пиков предыдущей эпохи, например в период российско-грузинской войны этот показатель достигал 40%. Но к сентябрю 2014 года негативное отношение к Америке высказывало уже 82% населения – это абсолютный рекорд, и он явно связан с тем, что в обществе стала нарастать негативная оценка международных тенденций. Они превратились из источника

достижений в источник экзистенциальных угроз. Я не буду говорить про наши тесты, может быть, скажу только буквально пару слов. Мы попытались оценить взаимные действия внешних угроз и экономических факторов в декабрьском исследовании 2014 года с помощью психологических тестов и получили довольно любопытный результат. Мы попросили респондентов сравнить Россию и президента Путина с любимыми животными, с какими они считают возможным – это стандартный прожективный метод, широко используемый в современной психологии. И дальше по итогам теста посчитали средний вес животного, как он изменился в начале и в конце года. Вес животного ассоциируется с его статусом в условной иерархии животного мира. К нашему удивлению мы обнаружили, что, во-первых, большинство респондентов понизило статус и вес животного, а, во-вторых, чисто арифметически снижение среднего веса животного почти совпало с уровнем девальвации рубля по отношению к доллару на неделю проведения исследований по сравнению с первой неделей января 2014 года. Это значит, что внешнеполитические угрозы и проблемы кризиса уже перемешались в массовом сознании, и они стали неким фактором, который, по сути дела, стал вытеснять приоритеты развития на вторые роли. Вот здесь есть данные обследований ФОМа по стандартному списку проблем с сентября 2014 по январь 2015 года, которые показывают, что реально произошло. Вот здесь есть два графика: в одном все линии ведут вверх. Вверх идут обеспокоенность параметрами экономического кризиса и внешними конфликтами. Они воспринимаются как угрозы, и значимость их резко возросла, особенно по внешним конфликтам. А на втором графике вниз идут все приоритеты, которые доминировали в 2012 году. Проблема образования была в рейтинге в числе первых еще в сентябре 2014 года, и она упала до минимума к январю 2015 года. То же самое со здравоохранением, с культурой, эффективностью системы государственного управления, дорогами, моралью, нравственностью, наркоманией, алкоголизмом, молодежные проблемы. Все ушло вниз, а это, собственно, тематика развития общества. На наш взгляд, это, естественно, в ситуации тяжелого экономического кризиса и угроз, которые люди воспринимают, как угрозы жизни и выживания во внешней политике. Угроза войны – это, действительно, угроза экзистенциального характера. Но в результате вполне логичное изменение приоритетов возвращает наше общество, по сути, к структуре приоритетов начала 2000 годов. Это некое временное событие. Тем не менее, оно произошло и сильно влияет на установки поведения людей в краткосрочной перспективе. Теперь несколько других

параметров, которые тоже оказались довольно неплохо коррелированы с изменениями социальных приоритетов, связанных с развитием и с текущим потреблением. Прежде всего, протестное поведение. Здесь мы ссылаемся не на наши исследования, а точнее на комбинацию исследований, проведенных Робертсоном, и исследований, которые проводили несколько российских организаций по протестному поведению. Смысл этих исследований состоит в том, что, по сути дела, в последние 20 лет в России наблюдались два принципиально разных типа протестного поведения. Первое – это экономические протесты, которые в основном были связаны с тяготами экономического кризиса и происходили именно под влиянием кризисных явлений в экономике. Такие протесты происходили в массовом порядке с 1997 по 1999 год, довольно много их было в первой половине 2000 годов, хотя значительно меньше. И наблюдался единовременный всплеск такого рода протестов, очень массовый, 18 тысяч протестов всего за 2 месяца, в мае и июне 2010 года – это больше половины всех протестных акций, которые наблюдались в России за период с 2009 по конец 2012 года. Политические протесты, например, по числу протестных акций ни в какое сравнение не идут с этими экономическими протестами. Для такого рода протестов характерны специфические особенности, которые их отличают от марш-протестов 2011-2012 года, связанных с выборами в Думу и выборами Президента. Эти протесты имеют географию за пределами столицы, они раскиданы по большому числу периферийных или относительно периферийных регионов. В репертуаре протестного движения преобладают акции, которые в значительной мере наносят вред самим протестующим и в меньшей степени опасны для тех, кому адресованы эти протесты. В частности, перекрытие дорог, голодовки, забастовки – это события, которые для самих протестующих связаны с определенными серьезными личными и семейными проблемами. Требования, естественно, экономические: задержки по зарплате, индексация пособий, своевременная выплата пособий и заработной платы и, в принципе, вопросы текущего потребления людей. Что касается второго типа протестов, то это протесты 2011-2012 годов, которые произошли впервые именно в этот период на волне, когда вопросы развития стали приоритетными для большей части населения страны, они были сконцентрированы в столицах, репертуар протестов иной: подавляющее большинство, около 90%, – это демонстрации с хорошо артикулируемыми требованиями, далеко выходящими за пределы экономических проблем и, скорее, соответствующими приоритетам развития. Если первый тип



протестов ассоциируется более с типами протестов, характерными для стран со средним уровнем развития и недостаточно зрелой политической конкуренцией, то второй тип протестов очень типичен для стран развитой демократии с высоким уровнем доходов. В некотором смысле, он отражает более высокую степень модернизированности политического поведения, по крайней мере так можно предположить. Он был ассоциирован с пиком приоритетности запросов на развитие, который наблюдался в 2012 году. Теперь несколько слов о том, как может меняться протестное поведение в ближайшее время. Мы видим, что приоритеты сфокусировались на вопросах текущего потребления и социальных угроз – это более типично для начала 2000 годов. Одновременно под влиянием кризиса резко ухудшились экономические настроения – здесь мы видим индекс финансовых настроений Сбербанка, он находится на уровнях ниже рекордных минимумов мая 2009 года, с которого этот индекс ведется. Самый низкий уровень достигнут в Москве. Для такого рода высокой степени негатива в экономических настроениях характерен высокий уровень протестности по экономическим причинам, скорее, того типа, который был характерен для конца 1990-ых и 2010 года. Данные ФОМа октября 2014 года показывают, что только экономические протесты находились в красной зоне, как раз протесты по поводу доходов, инфляции, тарифов ЖКХ склонность к ним была достаточно высокой по всей территории Российской Федерации. Распределение по регионам по данным ФОМа у меня нет, но «Левада» в феврале дал распределение, я его здесь не показал на слайдах, но «Левада» дал его по регионам тоже примерно по такой же классификации мотивов протестов. Самый высокий уровень склонности к протестам и наиболее высокая вероятность того, что протесты произойдут, по оценке самих респондентов, наблюдалась в Москве. При всем том, что, как я уже сказал, на правом графике видно, что именно в Москве индекс экономических настроений населения оказался хуже, чем где бы то ни было в Российской Федерации. Явно вот это некий возврат к более традиционным приоритетам даже для москвичей коррелирует с возвратам к более традиционным, можно сказать условно, к менее модернизированным формам протестного поведения во всех регионах или, по крайней мере, в значительной части регионов, где происходит усиление ухудшения экономических настроений, усиление приоритетности текущего потребления. И, наконец, последнее. Вот с этим же, вероятно, связано и то, что ретроспективно население России резко переоценило отношение к политическим процессам 2011-2012 годов. Сейчас вопросы развития перестали

быть приоритетом. В нашем исследовании декабря 2014 года мы обнаружили, что политические протесты 2011-2012 годов большинство наших респондентов оценивали негативно, они их ассоциировали с украинским Майданом. Отчасти это может быть связано с интерпретацией официальных СМИ, которые повысили свое влияние в этот период. Но, на наш взгляд, это может быть, в том числе, связано и с тем, что вопросы развития перестали быть приоритетными. Если в начале 2013 года по многим опросам около половины населения позитивно или нейтрально относилось к политическим протестам 2011-2012 годов, то сейчас, по крайней мере, по нашим данным, большинство людей относится к ним негативно. И здесь вот эта смена запроса на развитие, запросом на традиционное потребление могла сыграть свою определенную роль. Что касается рейтинга президента, то здесь долгое время существовала достаточно четкая фундаментальная связь. Здесь эта связь представлена по материалам анализа Дэниэла Трейзмана, который давно занимался этим вопросом. Это данные «Левада-Центра». А вот данные ВЦИОМа, по крайней мере, вот так, как их наложили друг на друга на графике аналитики из JPMorgan – те же самые показатели, восприятие экономики и доверие Путину. В конечном счете, всегда, когда ухудшалось восприятие состояния экономики, рейтинги президента тоже начинали снижаться. Если на материалах «Левады» этого особенно не видно, там по-другому структурированы экономические настроения, то на материалах ВЦИОМа видно, что после 2009 года экономические настроения упали резко, а рейтинги снижались постепенно. Эти кривые вышли на совместный трендовый уровень только в 2012 году. Сейчас, если посмотреть на крайние правые точки этого графика, мы снова находимся в ситуации, когда экономические настроения упали, а рейтинг президента находится на исторических максимумах. На наш взгляд, сейчас просто лаговых объяснений уже недостаточно. Потому что, на наш взгляд, фактор внешней политики играет очень серьезную фундаментальную роль. Я уже близок к концу. Значимость фактора внешней политики мы выявили еще в 2013 году в ходе психологических тестов. Он играл роль «непробиваемого пола» для рейтинга президента. В 2013 году, когда внешние конфликты еще никакой особой роли в массовом сознании не играли, все эти факторы были латентными. Тем не менее, уже тогда было видно, что люди склонны оказывать, твердую поддержку президенту, как они сами формулировали, именно в связи с тем, что он выражает патриотические чувства и выступает в роли своего рода персонального защитника страны. И, собственно, вот эти максимальные рейтинги

президента, на наш взгляд, тесно связаны с тем, что латентные внешние угрозы перешли в актуальное состояние, и этот фактор патриотизма, несмотря на кризис, играет очень важную поддерживающую роль. И еще один фактор, который может играть роль, состоит в том, что мотив безальтернативности Путина усиливается. В декабре 2014 года наши респонденты, по сути дела, не видели других реальных политиков в стране, других политических партий, лидеров политических партий. По сути дела, был один политик, обсуждать кого бы то ни было бессмысленно – и явно это был очень важный элемент консолидации рейтингов Владимира Путина, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Последнее – это влияние СМИ. Когда мы попытались на всю эту хронологию наложить влияние СМИ (я этот момент совсем кратко охарактеризую), мы обнаружили, что периоды роста влияния СМИ были связаны с тем, когда СМИ формулировали установки явно позитивного характера в глазах населения, или по крайней мере, когда месседжи СМИ действовали в том же направлении, что и фундаментальные факторы. Вот пример переключения приоритетов на образование, здравоохранение и жилье в период президентства Медведева, Медведев взял это на повестку дня, в том числе в рамках приоритетных национальных проектов. Это сработало, это явно усилило запрос на развитие в данных направлениях. А затем выяснилось, что официальная риторика совпадает с ожиданиями, но реальные возможности обеспечить, решить эти проблемы не поспевают за спросом. И дальше возникли конфликты. С внешней угрозой получилось нечто похожее: СМИ усилили влияние, потому что мотивированное другими причинами усиление приоритетности этих проблем уже происходило, и СМИ работали в том же направлении. А вот что происходило, когда объективные установки были направлены в иную сторону, например в конце 2013 года. В конце 2013 года данные многих опросов показали резкое падение влияния центрального телевидения. По опросам ВЦИОМа, например, этот период баланс доверия и недоверия к центральным телеканалам был всего 1%. А позитивный баланс доверия газет, интернет-сайтов, радиостанций колебался от 12 до 20%. То есть, они начинали наращивать влияние. И такого рода эпизодов было несколько. Так что вот здесь мы видим тоже явную связь и определенные границы, в пределах которых официальные СМИ могут наращивать влияние и когда они не в состоянии этого делать. И буквально несколько слов по среднесрочным сценариям. Я не буду комментировать то, как эти факторы сочетаются в каждом из двух сценариев, но, на наш взгляд, острота внешнеполитического конфликта в краткосрочной

перспективе может быть главным фактором переключения между сценариями. Если мы, предположим новое обострение конфликта вокруг Украины, которое сопровождается новыми санкциями, ростом экономической неопределенности для России и ухудшением экономической ситуации, то, скорее всего, по совокупности эти триггеры, перечислил, будут работать в направлении формирования установок на выживание. Они будут поддерживать политические рейтинги, а протесты в основном будут происходить по экономическим причинам в связи с кризисом в весьма традиционных формах. Установки людей будут далеки от приоритетов развития, и в целом этот сценарий можно охарактеризовать как некую среднесрочную ловушку контрмодернизации, некоего ослабления тех факторов в социальной динамике российского общества, которые условно можно отнести к факторам более модернизированного его состояния. А вот если разрядка внешнего конфликта будет достигнута, то главный фактор, который будет влиять на массовое сознание – это постепенное возобновление экономического роста. При том уровне доходов, который сейчас достигнут на душу населения, 24 тысячи долларов валовой внутренний продукт по паритету покупательной способности не позволяет надолго заикливаться на текущем потреблении и на внешних угрозах, если они утратят свою текущую актуальность и перейдут в латентное состояние. Все равно этот уровень потребления будет толкать общество к приоритетам развития, а вслед за ними потянется та повестка, которую мы наблюдали в 2011-2012 годах., Насколько конфликтно или более гармонично это будет отражаться на политической динамике зависит во многом от того, насколько власти смогут предложить повестку развития страны, отвечающую этим новым, уже более устойчивым запросам. Вот, собственно, логика нашего анализа и те короткие выводы, которые мы могли донести.

**Модератор:** А можно попросить второй сценарий оставить на некоторое время на экране? Может быть, есть желающие его запечатлеть. Спасибо, Михаил Эгонович. Мы, к сожалению, вывалились из регламента, но я не стал умышленно останавливать докладчика, чтобы все имели возможность насладиться красотой презентации. Но просьба: последующим докладчикам все-таки держать себя в руках, потому что у нас сегодня очень представительное заседание и, я думаю, есть много желающих выступить, хотя записался пока только один Дмитрий Орлов.

**Олег Чернозуб (ВЦИОМ):** Уважаемые коллеги, мой доклад будет посвящен первым результатам социального проекта ВЦИОМ, «кризисный мониторинг» мы

его назвали. Это результат обобщения информации трех волн. Первая прошла в самом конце января, вторая – в самом конце февраля, третья – в самом конце марта-начале апреля. Для изготовления выводов использовались именно данные по отдельным параметрам замеров конца прошлого года, то есть 4 квартала, а по некоторым отдельным переменным даже данные вплоть в ретроспективе до 2008-2009 годов. Соответственно, представленные материалы характеризуют восприятие в общественном сознании событий кризиса, состояние этого общественного сознания и тех влияний, которое первое и второе оказывает на систему критических представлений наших с вами сограждан. Общие выводы у нас таковы, что в целом общество к концу марта перестало чувствовать усугубление физических проявлений кризиса, а в целом, с точки зрения осмысления в общественном сознании, на наш взгляд можно охарактеризовать состояние общественного сознания как легкая эйфория, то есть испуг, который, действительно мы фиксировали в течение всей зимы заметно спал. Но, тем не менее, сформировалась группа наиболее пострадавших наших сограждан, которые демонстрируют вполне предсказуемое и вполне выраженное политическое поведение, тенденции к политическим оценкам, к политическому поведению. Здесь в двух словах о физических проявлениях кризиса. Здесь я бы обратил ваше внимание на левую таблицу в самом низу в столбике «график» видно, как с ноября прошлого года взлетает количество, это у нас в процентах от общей массы населения – примерно с 16 с небольшим процентов до больше чем 40 взлетает количество так называемых страдающих по факторам материального благополучия в терминах методики субъективного благополучия (неразборчиво, 00:42:57). То есть, это очень выраженный рост. Но после того, как этот рост возник, он начинает, как мы с вами видим, стагнировать, а значит, дальнейшее ухудшение ситуации не происходит. О том же самом нам говорит верхний график: примерно на 15% останавливается количество людей, кто не осуществляет, а осуществляет 85%. 15% не осуществляет никаких антикризисных практик, то есть не предпринимает никаких специальных действий, по данным наших опросов, которые на физическом уровне свидетельствуют о том, что они затронуты кризисом. И график внизу: порядка 34% тоже цифра стагнирует по данным двух замеров – это количество людей, кто сообщает, что вообще ни от чего не отказался в своей реальной жизни в связи с событиями кризиса. Иными словами, мы видим резкое ухудшение примерно в декабре-январе, после чего вот такие физические признаки развертывания кризиса общество у нас перестает, по нашим

параметрам, ощущать. И это событие вполне адекватно оценивается общественным сознанием. Вот здесь левый график, обведенный в кружочек в самом низу наиболее показателен из всего прочего – это у нас количество людей в процентах, считающих, что основные события кризиса, наиболее тяжелый период еще впереди. То есть, он у нас уверенно сокращается: 50%, 46%, 41%. Весьма показательны эмоциональные параметры. Справа сверху – это данные тестирования. Здесь наиболее показательными два эмоциональных состояния у нас являются. Заметно падает количество респондентов, находившихся на момент проведения исследования в эмоциональном состоянии, которое может быть охарактеризовано как гнев. То есть, в существенном уровне возбуждения нервной системы и при этом негативной эмоциональной окраске. И наоборот увеличивается количество респондентов, которые находятся в состоянии тревоги. При прочих равных это означает постепенный спад эмоционального напряжения. То есть, из состояния гнева (высокой степени возбуждения при негативной окраске) народонаселение наше с вами переходит в состояние так называемой тревоги, что характеризуется тоже негативной окраской эмоциональной, однако уровень возбуждения эмоциональной системы намного меньше. С точки зрения практической политики известно, что как раз из состояния гнева при прочих равных условиях блокирует рациональное поведение, а состояние тревоги, напротив, стимулирует рациональное поведение. Внизу у нас показатели тоже видно, что столбики постепенно падают – это у нас индекс фрустрации характеризует долю людей, которые хотели бы планировать свое будущее, но не могут этого сделать в силу крайней неопределенности внешней среды. Фрустрация у нас, таким образом, тоже падает, из чего мы делаем общий вывод, что в целом общество демонстрирует общественное сознание, с точки зрения восприятия кризиса демонстрирует выраженный оптимизм, мы взяли на себя смелость назвать это легкой эйфорией. Буквально два слова об экономических параметрах. Общественное сознание демонстрирует крайне трезвую оценку происходящих событий, то есть оно у нас никаких тенденций не показывает к (неразборчиво, 00:46:35) поведению, остается в ликвидности и собирается оставаться в ликвидности, наращивает сбережения. Очень коротко, справа сверху – эта табличка показывает оценку общественным мнением курса рубля, который будет через 3 месяца, через год. Красный столбик – это фактический курс рубля. Зеленый столбик – это курс через 3 месяца, ожидаемый респондентами. Крайний правый столбик синий – это курс через год. В январе,

когда фактически курс был 68,9, наш электорат закладывался на 71 рубль – через 3 месяца и на 73 с лишним рубля – через год. В марте при 57 рублях (округляем, при 58 – фактическом курсе на дату опроса) 56 через 3 месяца ожидали наши респонденты и 53 с небольшим – через год. То есть, крен сменился выраженно, и эйфория прошла. В принципе, те события, которые мы сейчас наблюдаем, пока подтверждают эти настроения. Одним из инструментов измерения у нас общественного сознания является хорошо всем известная карта страхов. Мы не приводим ее здесь полностью, чтобы не фокусировать сознание. По остальным параметрам у нас там выдающихся изменений не наблюдается, но происходит стагнация страхов, связанных с недостатком доходов, с высокими ценами, с изменением сбережений и так далее. И на первое место, с точки зрения динамики, выходит страх ухудшения международной обстановки и страх войны. Соответственно, это вполне, на мой взгляд, совпадает с теми наблюдениями, которые были представлены в предыдущем докладе, и мы к этому еще не раз вернемся, потому что наблюдения оказываются существенны для интерпретации некоторых других наших выводов. Политические последствия. Политические последствия, действительно, обозначились. Мы их измеряем через инструмент измерения легитимности, а индикатором у нас является представление населения о том, в интересах какой части общества действуют те или иные органы власти и должностные лица. Соответственно, мы видим, что желтый график – это федеральная власть в целом. В принципе, нельзя сказать, что там какая-то выраженная динамика. Мы видим рейтинг Владимира Путина лично. Там тоже последние три месяца порядка 80% – и не изменяется. А что касается региональных властей, мы видим, во-первых, что индекс легитимности там радикально меньше и, более того, он имеет отрицательную динамику. Соответственно, излишне будет говорить, что все выводы, которые мы представляем, они статистически протестированы и, естественно, различия значимы. Проведены две линии для ориентира, появились на линии 50%, где субъективно считается, что находится граница для легитимации оцениваемого органа власти или должностного лица, а жирная линия красная – это 36% – это уровень легитимности органов власти, который мы измеряем среди участников акции протестов. То есть, в принципе, приближение уровней легитимности к значениям 36% означает, что наши с вами сограждане морально готовы выходить на улицу. Потому что 36 – это уровень легитимности властей среди участников акции протеста, который мы измеряем непосредственно на акциях протеста. В

общей массе наших сограждан выделилась вполне определенно группа риска. Наиболее удобная с точки зрения описания оказалась признак – это как раз группа так называемых страдающих по фактору материального благополучия из индекса (неразборчиво, 00:51:15). Видно, что они на графике слева сверху обведены в овал – эта группа по сравнению со всеми группами оценки легитимности их всех властей намного ниже. То есть, если мы будем говорить о федеральных властях, то легитимность в глазах группы процветающих федеральных властей 75,5%, в глазах страдающих наша группа риска – 57,7%. И по всем остальным показателям то же самое. Справа сверху – это динамика оценки данной группы легитимности региональных властей. И здесь мы видим, что стартовав с 48-49% в начале года, мы вырвали с этой группой на 35% в марте 2015 года. То есть, в целом наша группа страдающих, которая помимо всего прочего – это примерно 48% населения нашей страны готова выходить на улицу по мотивам недовольства местными властями, региональными, точнее, вопрос звучал в оценке руководства вашего края, области, республики. Страна страдальцев по этому фактору. И нижняя диаграмма показывает динамику у этой группы основных страхов. Видно, что резко вырос у них, в отличие от населения в целом, у них очень резко вырос страх материального неблагополучия, высоких цен, обесценивания сбережений, недостатка средств для обеспечения своей жизни. И тоже намного, заметно вообще выше уровень, и вырос он заметно намного, примерно на половину. Вырос страх, связанный с угрозой войны. Отмеченные события приводят к изменению социальной базы протеста. На графике сверху представлена структура группы протеста – то есть, это лица, которые считают, что есть такие проблемы, которые не решить без организации акции протеста. И видно, что в этой группе традиционная группа так называемого «путинского консенсуса», которую принято в политологических кругах обозначать. Она с 29% в январе буквально за 3 месяца выросла до 37%. Собственно, наши шахтеры таким образом и представляли эту группу. Группа, социальная база «Норковой революции», у нас представлена зелененьким трендом. Визуально гражданами, веселящимися на площади. Она с 29% в общем составе протестной группы сократилась не радикально, но все равно чувствительно, все равно статистически значимо примерно до 24%. Еще является показателем, что в протестной группе растет доля приверженцев левых партий, а именно КПРФ и «Справедливой России». Собственно, риски протестов. Вот у нас график верхний представляет результаты ответа на вопрос о том, какова легитимность региональных властей в



группах, которые считают, что без акций протеста ключевые проблемы вообще не решить, группа «синяя», которая считает, что акции протеста помогут в решении проблем, и две левые группы – это те, кто считают, что акции протеста не имеют непосредственного отношения к решению острых проблем, которые они видят сейчас перед страной. И видно, что среди «красной» нашей группы, самой правой, с 45 в январе до 30% в марте сократилась легитимность региональных властей наших. Имеет смысл добавить, что объем вот этой «красной» группы порядка 9-10% от общего количества населения. А объем группы, лояльно относящихся к акции протестов, порядка 15% от общего количества наших опрошенных. Там видно, что тоже по поводу группы лояльно, «синей», тоже видно график, что уровень легитимности региональных властей пересек границу 50%. То есть, в общем и целом она рассматривает органы власти как нелегитимные, то есть принимающие решения не в интересах большинства населения. Добавить остается только то, что по нашим данным, сдерживающим фактором от реализации протестного потенциала является, конечно, отсутствие признанного, авторитетного и, собственно, легитимного лидера, или лидеров. Здесь видно тоже, что уровень легитимности у представителей парламентской оппозиции намного выше, чем уровень легитимности непарламентской оппозиции. Но, тем не менее, предпосылки, если мы еще раз вернемся к верхнему графику, формируются. Соберется ли кто-нибудь – отдельный вопрос. И последнее: как говорит Заратустра, из последнего отчета – надежды наших стратегических партнеров связаны как раз с кризисом региональной власти. В частности, он там пишет, что по опыту всех недоразумений в России на какие кризисные явления общефедерального масштаба трудящиеся и регионы реагировали фрагментацией страны. И дальше пытается под это дело подвести политико-экономическую базу, в частности, указывает на то, что структура задолженности сейчас такова, что местные бюджеты переаккредитованы, он ожидает дефолта или трудности с выплатами кредитов в 63 из 83 регионов в течение ближайших нескольких лет, что указывает нам также о том, что наши уважаемые партнеры тоже видят проблему в региональном разрезе и можно сделать вывод, что возлагают на нее определенные надежды.

**Модератор: Спасибо, Олег. У нас третий доклад, Михаил Слесаренко. Также просьба: соответствовать регламенту, потому что много желающих высказаться. Михаила я уже представлял. Собственно говоря, это была моя**

**инициатива – попросить Михаила выступить здесь в качестве одного из первых.**

**Михаил Слесаренко (агентство политических исследований и консалтинга "POLITIUM"):** Добрый день, уважаемые коллеги. Я послушал два предыдущих доклада, и после первого вообще показалось, что все хорошо. А после второго, я так понимаю, появились определенные сомнения, что все ли так хорошо. Предварительно такой вопрос, может кто-то задумывался над этим: никто никогда не думал, наверно, если бы существовала социология и опросы общественного мнения в царской России, то какой был бы рейтинг Николая II за несколько месяцев до известных событий? Мне просто интересно. Я думаю, что очень высокий.

Вы знаете, я считаю, что сценарий «оранжевой», если уместно упоминать этот цвет, потому что не совсем понятно «бархатный» сценарий «небархатный», «искусственный» для России неизбежен. Не факт, что он победит – это большой вопрос. Но попытка, очевидно, будет проделана. Возможно, я так говорю, потому что пережил все это там. Понимал и видел, как это все делалось. На самом деле, когда мы говорим об «оранжевом» или «искусственном» сценарии, мы говорим о том сценарии, когда объективные показатели, собственно говоря, уровня протестных настроений, недовольства уровнем жизни и прочее не совсем берутся в расчет. Они используются, безусловно, но классическое определение ленинской революционной ситуации вовсе необязательно для таких сценариев. Вспомните ту же Украину, 2004 год, когда Ющенко пришел к власти, то, собственно говоря, страна развивалась, уровень жизни рос, те же процессы, только в меньшем масштабе, которые происходили в начале 2000 годов в Украине. И, собственно, каких-либо предпосылок для всех тех событий, которые были тогда, не существовало. Предпосылки для событий, который происходили, в 2013-2014 годах, они, в принципе, считывались на протяжении 2015 года. Но, опять-таки, не на силе экономического характера. Потому что, собственно говоря, уровень жизни был достаточно высоким и стабильным. А все хотели жить еще лучше, ну, и получили то, что сейчас имеют. «Оранжевые» сценарии происходят не просто так. Они происходят не потому, что это развлечение. Они происходят потому, что это метод борьбы для политических сил. Это огромный фактор – внутренней борьбы. Прежде всего, к этим сценариям я отношу сценарии, которые пришли извне, которые являются инструментами геополитики. То, что произошло в Украине в 2013-2014 годах, я считаю, что одна из версий состоит в том, что все это

готовилось на более поздний период. Это готовилось на 2015 год, на выборы Януковича, чтобы не допустить его второго «совка». Но так сложились обстоятельства. Собственно говоря, Янукович не пошел на поводу у Европы, у Германии. Он не подписал соглашение о торговле – с одной стороны. С другой стороны – местные олигархи, собственно, решили тоже несколько ускорить процессы, которые должны были произойти несколько позже. Ну, и дальше уже пошли... Если вы помните, кто следил за событиями в Украине, конец ноября – это старт активности. Потом было некое затухание, и порядка трехнедельный перерыв, включающий Новый год. Не только потому, что были праздники, а, я так понимаю, перестраивались. И четко с 15 января пошел другой сценарий – уже не Майдан, а улица Грушевского. Уже прошло противостояние, собственно говоря, - то, чего не было в 2004 году. Относительно России: будем говорить о некоем авторе, который может стоять за подобными сценариями, не будем его называть. Я бы не хотел сводить это все к каким-то клише. На самом деле, скорее всего, это совокупный автор, состоящий из многих желающих повеселиться на территории РФ. Надо понимать, что ставят во главу угла. До сих пор мне это непонятно. Это смена власти – на прозападную, управляемую и не претендующую на политический субъект. Собственно, это то, о чем нам писал старик Журицкий еще в 90-е годы. Мы полагали, что Россия будет такой, а она захотела иного. Второй сценарий, более жесткий, – это разрушение РФ как единой державы. Управляют этим 20-30 государств. Это не фантастический сценарий. Он мустируется в СМИ, в Интернете. Очень много можно прочитать об этом. И те вещи, которые сейчас происходят, говорят, скорее, о том, что предполагается именно он. Мало того, он более простой. Потому что разрушаться всегда проще. И с учетом силы российского президента, скорее, легче поджечь со всех сторон этот большой «дом», чем привести какого-то другого проевропейского, прозападного лидера к власти. Пока наблюдаем, смотрим, мониторим. Возможно, у кого-то уже есть ответ на этот вопрос, у меня его еще нет. Они хотят, но боятся. Очевидно, существуют вопросы, что будет дальше, смогут ли они контролировать все эти территории. Это тот же вопрос, который возникал у меня еще в 90-е годы: почему, разваливая Советский Союз, попутно не развалили РФ? Оставили такое федеративное образование на территории Евразии в меньшем масштабе, чем был Советский Союз. Причин было несколько – и ядерное оружие, и Китай, и прочие азиатские страны. Поэтому то, что произойдет сейчас, может быть гораздо страшнее. Цель – определить задачи. Под задачей будет выстроена

соответствующая сценарная драматургия, прописанная со всех сторон. По моему мнению, роль авторов российской системы власти будут активными. А логика авторов обороняющейся стороны будет просчитанной реакцией на активность нападающих, или реакцией на реакцию третьих авторов в этой игре. Собственно говоря, провокация – оружие революционера. Это известный факт еще старых времен, ничего здесь не изменилось. Изменились только технологии по возможности их применения. Что происходит сейчас в России, по моему мнению? Опять-таки, наблюдая те процессы, которые происходят здесь, и соотнося их с процессами, которые происходили в Украине до событий на Майдане. Это выстраивание двух типов сетей – вертикальные сети (старого типа) и горизонтальные (нового типа). Вертикальные – это сети неявные, а которые будут управлять процессами, на самом деле. Через которые идут управляющие директивны, через которые будет идти финансирование. И, собственно говоря, это те сети, которые будут направлять процесс в нужном русле. Но ударной массой революции будут сети нового типа, которые совершенно трудноуязвимы, с ними трудно бороться дубинами, палками. И всё, что сейчас происходит, когда власть готовится бороться с этим полицейскими методами, они не помогут в этой ситуации. Здесь нужен совершенно другой ответ. Это не сети профессиональных революционеров, а сети, состоящие из обычных людей. Новые сети – это те сети, где элементы способны к самовоспроизведению. Это сети, в которых звенья легкозаменяемые – ни один, так второй, где личность совершенно не важна. А маленькое, совершенно конкретное действие, в определенных рамках. Что получают в обмен участники? Это легкий обмен малого труда на сопричастность, дружбу, надежду на перемены к лучшему. Всё, что было, собственно говоря, вложено в механику сетевых процессов, которые использовались во втором Киевском «Майдане». Что такое «малый труд», я вам расскажу немножко дальше. Малое дело – это участие в сети легко и многократно заменяют таким же в рамках простых и ограниченных задач. Вот, что это такие. Можно кормить, можно обучать, можно лечить. Ну, самые смелые, собственно, кидают бутылки. Я был поражен, когда учительница английского языка, которая ходила к нам в офис и обучала сотрудников, сказала, что она не может задержаться, по причине, что она идет на Майдан, чтобы разливать коктейли Молотова. Это январь-месяц, 20 числа января 2014 года. Вот учительница милая, интеллигентная, хрупкая. Были люди, которые ходили вахтовым методом, люди, которые занимали достаточно высокие посты в бизнес-структурах. Они одевали на себя какие-то каски, чуть ли не

роликовые доспехи, брали дубину, шли, делали селфи, что-то кидали, постили это всё в «Фейсбуке» и шли обратно на рабочее место. И таких было очень много. И та радикальная часть, которая принесла-таки победу заговорщиков, была подкреплена внизу базой из многих десятков тысяч людей, которые делали свое малое дело. Что происходит сейчас? По моему мнению, опять-таки, в РФ происходит то, что в свое время в Украине. Это поиск возможностей, поиск тех мест, где возможно применить усилия. Опять-таки, это субъективный взгляд, скорее, экспертный, потому что не проводили исследования на территории РФ. Тем не менее, можно предположить, что это этнические взаимоотношения. Это не те региональные обиды, несправедливого распределения, всего, чего угодно. Собственно говоря, у нас алмазы, у нас нефть, у нас рожь и гречка. Это недовольство властью на местах. Предыдущий докладчик упомянул об этом. Но мое мнение, что это будут конкретные претензии к конкретным людям. Почему? Потому что, опять-таки, поджечь сверху не удастся. А мелких злодеев полно, зажавшихся и прочее. Причем там может быть не только власть, но и, я бы сказал, экономический сегмент. То есть, я бы сказал, что это могут быть некие экономически крупные предприятия, градообразующие предприятия, от которых зависит жизнь и уровень жизни людей в конкретных городах, так скажем. Что происходит сейчас? Тестирование технологий, тем и событий, реакций на различные варианты – контент, и по социально важным кластерам – комьюнити. Поиск эффективных средств и конструкция идеологемных мифов, на которых держится система. Опять-таки, посмотрите, что происходит на Украине. Со стороны может показаться, что там варварское разрушение, даже не советских, а российских символов, между которыми, так или иначе, ставится знак равенства – не только с Советским Союзом, но и с РФ. Я должен сказать, что оно эффективно. Казалось бы, что это страшно звучит. Люди должны это увидеть, понять, что это варварство, Средневековье. А нет, люди по разным мотивам, по причине инфицированности Майданом, по причине следования за большинством, по причине страха и боязни, так или иначе, принимают те радикальные действия, которые происходят там. Посмотрите, что происходит здесь, среди креативного кластера, в тех же соцсетях часто ведутся дискуссии по деконструкции советских мифов. Одна из таких тем, что советские войска вступили на территорию Германии, грабили и насиловали десятки тысяч немцев. Сейчас конкретно видно, что эта тема достаточно искусственно закручивается, в ней многие принимают участие. Она продолжает циркулировать и нарастать. И мало того, очень много

благодарных исследователей, которые хотят понять правду и узнать, как было на самом деле. Главная задача, собственно говоря, автора, который будет мутить воду в РФ – это очень серьезная задача, на самом деле, поэтому я хочу, чтобы вы обратили на нее внимание – это выводить протест из Онлайн в Оффлайн в широком смысле. Это очень важно. Очень много можно сидеть в Интернете, говорить на кухне, в курилке, переписываться с кем-то, комментировать что-то на сайтах, что-то постить. Но важно вывести человека на улицу. И для этого применяются все усилия, которые направлены именно на это: «Не оставайся возле экрана, выходи на улицу». Почему? Потому что пока не существует электронной власти, электронных выборов. Все равно, без выхода на улицу, никакой смены власти не произойдет. Благими намерениями. Тема экологии, прав трудящихся, борьбы с пьянством, с нелегальной миграцией – раскачка, мобилизация, вывод людей в Оффлайн. Всё делается для этого. Тема, которая близка, наверное, любому здесь, в Москве – это, собственно говоря, эвакуация автомобилей. Согласитесь, что страшные вещи и страшные последствия могут быть. Что будет в случае провокации с лицами, участвующими формально в противоправных, но морально оправданных, действиях? Если, условно говоря, кто-то набьет морду эвакуаторщикам, а потом его будут судить. Из-за этого появится протестное движение. Понятно, на чьей стороне будет общественное мнение. Кто будет участвовать? В общем-то, всем. Поход на Москву – извините за эту метафору. Я остановлюсь на этом высказывании, потому что времени нет. Это главный большой вопрос. Как на Украине? Скажу так: те же технологии, но иные стратегии и своя сценарная драматургия. Есть параллели – «Вставай, Украина!» и марши оппозиции. Прошу обратить внимание на центральную тему. Очень интересная сетевая тема прошла в Украине на фоне Павлюченко. Это когда удалось объединить фанатов противоположных, противоборствующих футбольных клубов во имя единой идеи. Фанаты стали одной из мощнейших ударных сил Майдана 2014 года. Большинство из боевиков были из фанатских движений. Ну, и тема Врэдиевки – вы знаете, что это то, что предшествовало Майдану. Это маленький райцентр на юге Украины, где на примере жуткой местной страшной власти начальник отдела милиции и его пособники, которые изнасиловали девушку, затащили ее в машину. Это повлекло неуправляемые события на месте. Начались массовые протесты, было разгромлено РОВД. В конце концов, все это попало в теплые руки оппозиции. И были Врэдиевский марш, который прошел через всю Украину и пришел в Киев. Собственно говоря,

еще раз я здесь сформулировал то, что на сегодняшний момент является слабыми местами. Пока есть эти слабые места, возможен и «оранжевый» сценарий. Слабые места будут всегда. Вопрос в том, насколько власть сможет не полицейскими, а адекватными технологическими методами 21 века, дать ответ. Собственно говоря, предложить свой сценарий. А получится это или нет – не знаю. Но попытка провести здесь, скажем так, оранжевые беспорядки будет.

**Модератор: Спасибо, Михаил. Некоторое время у нас еще повисят «слабые места». И мы с некоторым опозданием, практически на полчаса, все-таки начинаем открытую дискуссию. Просьба: говорить кратко. Итак, Дмитрий Орлов, за ним – Иосиф Дискин.**

**Дмитрий Орлов (Агентства политических и экономических коммуникаций „АПЭК“):** Спасибо. Я постараюсь быть кратким и ответить на вопрос: существует ли запрос на смену повестки дня, который содержится в нашей дискуссии. Полагаю, что угрозы реализации «оранжевых» сценариев в актуальном поле нет. А что есть? Есть вот этот самый запрос на смену повестки. Структура большинства сегодня учитывают так называемую «Крымскую дельту». Тот прирост, который был получен год назад, мы детально анализировали, в том числе и на этой площадке. Сегодня, когда тема патриотической мобилизации связана с Крымом, она просто в силу давности постепенно уходит, возникает как раз необходимость этого самого запроса, точнее – формируется этот самый запрос. Я не соглашусь с Михаилом Эгоновичем Дмитриевым в том, что «непробиваемый пол» Крыма и патриотической мобилизации – это тот самый «непробиваемый пол» для рейтинга. Я полагаю, что социальные факторы и социальные угрозы действуют. Лаг в ухудшении социального самочувствия, который произошел после кризиса (2008 – 2009 годов), будет действовать и сейчас. Никаких специфических закономерностей, на мой взгляд, здесь нет. Значит, социальные факторы, как угрозы, как проблемы, они выходят на первый план. Я полагаю, что рост неполной занятости – это проблема номер один. Пересечение их с группой страдающих, о которой сегодня говорилось в презентации ВЦИОМ, на мой взгляд, и составляет болевую точку, точку сборки протестного движения - это, во-первых. И, во-вторых, создает точку, где будут консолидироваться протестные настроения, точнее – не протестные настроения, противоречащие настроениям большинства, и поле это будет расширяться. Я полагаю, что сегодня социальные факторы, вообще, и социальная повестка, она более важна для консолидации большинства, чем повестка патриотическая,

поэтому, скажем, сегодняшняя затея Минфина о повышении пенсионного возраста, проблемы, связанные с не полной занятостью, они будут уже на горизонте года влиять на социальное самочувствие и на масштабы, кстати, большинства. Кстати, о необходимости новой повестки свидетельствует и то, что, как мы наблюдали из презентации ВЦИОМа, тревога заменила гнев. Это стимулирует запрос на рациональную повестку. Ну, а какая из двух повесток более рациональная: патриотическая или социально-экономическая? Конечно, социально-экономическая. На мой взгляд, в чем может быть альтернатива? Сегодня мы видим довольно ясно артикулированную попытку распространить патриотическое большинство за пределы 4/5 от известной, как известно из статьи Бориса Межуева и из дискуссии, о которой вокруг нее развернулась, но я сейчас не буду в детали углубляться, что большинство у них стабильное и рыхлое, так сказать, не имеет тотального характера, для того чтобы быть развернутым на идее подавления. Это просто не рационально. Реальная альтернатива, она следующая. В обоих альтернативных вариантах повестки главным должна стать антикоррупционная повестка и повышение эффективности власти. Логика следующая: вертикаль власти достроена, теперь она должна стать эффективной и социометрические параметры об этом свидетельствуют. Чем они должны быть дополнены? Возможно, какими-то посланиями, которые адресованы бизнесу и активистским группам, не креативному классу, это, на мой взгляд, странная группа, специфически выделенная, бизнесу и креативному классу. Безусловно, должны быть какие-то патриотические тенденции, но я не думаю, что это логика: «Крым – наш навсегда» - как основа повестки, что это сыграет. Мне кажется, что это постепенно уходит из актуального поля. И последнее. Я уже сказал о том, что непробиваемого пола не существует, есть сегодня пик, будет и некоторая негативная коррекция рейтингов и масштаба большинства. Вопрос, который сейчас стоит перед властью в широком смысле перед властью правящей – как она сможет адаптироваться к ослаблению, во-первых, патриотической мобилизации и нарастанию угроз, связанных с социально-экономическим кризисом, с ростом протестных настроений, особенно по региональной тематике, как мы видели из презентации «ВЦИОМ» с некоторыми другими сопутствующими угрозами. Один вариант – заранее подготовиться, иметь эшелонированную оборону, чтобы спокойно быть на плоту стабильной поддержки в 65 %, но я грубо формулирую этот сценарий. Или держать, исходя из логики “непробиваемого пола”, любой ценой 84 %-й уровень, кидая в топку элементы патриотической,



антикоррупционной повестки, персональные какие-то, в том числе реализуя, может даже, сценарий отставки правительства и так далее – держать любой ценой с тем, чтобы потом, далее, динамика рейтингов приобрела непредсказуемый характер. Вот эта альтернатива, помимо альтернативы содержательной, она сегодня тоже имеет место быть и, собственно, власти делать выбор в пользу того или иного варианта. Спасибо.

**Модератор: Спасибо, Дмитрий. Иосиф Евгеньевич Дискин, а следующий – Евгений Минченко.**

**Дискин И. Е. (Совет по национальной стратегии):** Я сосредоточился бы на третьем пункте, только поменяв его: я хотел бы рассмотреть не вопрос: «К каким трансформациям ведет реализация тех или иных сценариев?», а напротив – проблему: «Какие сценарии будут обусловлены процессами социальной трансформации?»

Такое впечатление, что выступавшие ранее коллеги исходят из посылки, что можно попасть из любой точки политического пространства в любую, если приложить к этому определенные политические технологии. С этим представлением я давно спорил и книжки писал на эту тему. Представляется, что существуют макросоциальные магистрали, довольно жестко задающие «коридоры возможного».

Для анализа таких «коридоров» крайне важно представить себе в каком теоретическом пространстве мы размышляем.

Когда Михаил Эдуардович упомянул теорию модернизации, у меня, естественно, возник вопрос: «Какую из более чем сорока теорий он имеет в виду?». Мне пришлось, как некоторые знают, некоторое количество книжек на эту тему написать. Я в них доказывал, что модернизация в России реализуется совсем не на основе веберовской модели трансформации. Здесь действительные макросоциальные процессы. Пока мы не учтем специфику российской модели социальной трансформации, мы будем превратно интерпретировать происходящие процессы.

Я хотел бы поблагодарить Михаила Слесаренко. Во-первых, надо ясно понимать, что проблема взаимоотношений с нашим заокеанским партнером носит экзистенциальный характер. Никакого способа достичь с ним компромисса и консенсуса не существует. Соединенные Штаты сегодня признают только один вид договора, который называется капитуляция. В отношении Европы - другая история.

Второе, надо отметить, что когда мы говорим о России 2017-го года надо различать, что мы хотим понять: предвидеть политические процессы или, всего лишь, итоги голосования. Макросоциальная ситуация в 2017 году может очень существенно отличаться от итогов голосования.

Почему? Потому что, к сожалению, в России ценности не обязательно являются побудительным мотивом для практического действия, но они мотив для электорального поведения. Расхождения этих двух факторов: социального действия и электорального поведения должны нас побудить к лучшему пониманию того, что обсуждаем мы здесь.

Теперь по поводу влияния макросоциальных факторов. Меня не очень удовлетворяет, скажем так, упрощенная марксистская трактовка происходящего, которую нам представил Михаил Эгонович, сводящаяся к тому, что экономические и социальные факторы напрямую трансформируются в социально-политическое поведение. Мне ближе точка зрения, что экономические и социальные факторы трансформируются через призму ценностей. Это важно, т.к. ценности в России часто носят парадный характер., Они далеко не всегда превращаются в принципы, а принципы не всегда превращаются в действие. Но, тем не менее, они наличествуют и трансформируют восприятие экономических и социальных ситуаций.

И в силу такого представления в качестве предмета анализа возникает несколько иное пространство, в рамках которого возможно представление того, что проблематизируют люди при оценке социальной ситуации. И, соответственно, на этой основе можно будет выявить основания для протеста или другой мобилизации.

Для такого анализа необходима оценка процессов социальной трансформации, которые, как мне представляется, будут в большой степени определять происходящее в ближайшее время. Что же у нас здесь происходит?

Мы завершаем определенный этап социальной трансформации связанный с ростом индивидуализации, с существенным снижением влияния идеологий. Сегодня идет (и здесь я обращаюсь к докладу Валерия Валерьевича Федорова по поводу идентичности) «Ренессанс идентичности». В этой связи важно отметить, что возвращение Крыма произошло очень вовремя, в период переосмысления всей системы идентичностей

Олимпиада и Крым переформатировали всю базовую структуру идентичностей. Огромное большинство людей стало идентифицировать себя с

великой и успешной страной. Этот формат идентичности не уйдет в среднесрочной перспективе., они останутся основой для макроидентичности достаточно долго.

Второй фактор, который в макросоциальном плане влияет на происходящее, смыкания ценностей и интересов. Это очень тяжелый и противоречивый процесс. Ценности в нашей стране пришли из идеологического пространства, а интересы из реальной жизни, В результате налицо конфликт ценностей и интересов, протекающий сегодня в разных слоях и группах, очень по-разному. Он трансформирует, как социально-экономическую повестку дня, так и восприятие происходящего. Не держа в голове эту, с моей точки зрения, значимую макросоциальную сетку, мы плохо себе будем понимать, что же из этого будет простекать.

Хотелось бы обратить внимание на очень любопытный феномен: впервые в России, а это фокус-группы фиксируют, снизилось противостояние между рядовыми гражданами и элитами. Элиты перестали восприниматься в качестве врагов. Много раз встречалась формулировка: «эти ребята рискнули своими виллами во Франции и развлечениями в Куршавеле, значит с ними можно иметь дело».

Также следует учитывать идущий процесс рационализации отношений. Коллеги вполне справедливо говорили про рационализацию, о том действительно чувство тревоги стимулирует процесс рационализации. Оценки собственной ситуации, экономических ресурсов, социальных ресурсов, в том числе рационализация проблематизирует базовый инстинкт среднего класса: «Не раскачивай лодку». На Западе мы давно имеем дело с этим свойством среднего класса, то в России получаем его впервые.

Может быть бездна всяких локальных недовольств, но механизмов мобилизации массовых, я подчеркиваю, массовых протестов способных, во всяком случае, на этом этапе макросоциального процесса поколебать стабильность, я пока не вижу.

Конечно, возможны локальные столкновения, возможно выявление новых Кущевков, но нет актуальных ценностей, которые могли бы обеспечить массовую мобилизацию. Все здесь образованные люди и помнят известные слова К. Маркса из «Немецкой идеологии»: «Материальная сила может быть побеждена только материальной силой, идеи, овладевшие массой становятся материальной силой».

Я пока не вижу в российском массовом сознании той идеи, которая могла бы овладеть массами и стать материальной силой, способной разрушить ту самую социально-политическую систему, которая в сознании очень многих людей, скорее всего, их подавляющего большинства, является рамкой для их столь ценимого социально-экономического благополучия. Спасибо.

**Модератор: Спасибо, Иосиф Евгеньевич. Евгений Минченко.  
Следующая – Ольга Крыштановская.**

**Евгений Минченко (коммуникационный холдинг Минченко консалтинг):** Спасибо большое. Боюсь я не смогу поддержать такой высокий градус теоретической дискуссии, как у Иосифа Дискина, я буду говорить о практических вещах.

Первая проблема, которая сегодня, на мой взгляд, является значимой для возможного кризиса – это раскол элиты. Я бы обострил это и назвал то, что проблематизируется значительной частью российской элиты - это управленческая модель «геронтократия и принцы». Есть поколение тех, кому за 60 и которые сегодня управляют страной, и есть их дети, которые придут им на смену. Есть вот это пропавшее поколение 40+, мое поколение, которое считает, что к реальной власти не придет, потому что потом принцы. Это первая проблема, которая сегодня реально существует.

Вторая – ограниченное количество элитных резервуаров. Если посмотреть, откуда у нас рекрутируются представители правящей элиты, опять же, это узкий круг региональных кланов, которые представлены, кстати говоря, непропорционально доле экономики тех или иных регионов в экономике страны. Можно по-разному относиться к нашей модели «Политбюро 2.0», но опрашиваемые нами эксперты считают, что среди полноправных членов политбюро только один региональный лидер – это глава Москвы и лидер большого клана. Кандидаты в члены «Политбюро» – только главы Татарстана и Чечни. И это, конечно, на мой взгляд, повод для тревоги.

Большая проблема с яркими губернаторами. Возвращение выборов губернаторов не привело к появлению новых ярких политиков, их можно пересчитать по пальцам одной руки. Я Андрея Воробьева похвалю, день рождения у него, 45 лет. Но это поколение принцев.

Следующая проблема - это отмена прямых выборов мэров. Я понимаю все менеджерские мотивации, которые за этим стояли. Но мы в какой-то момент можем столкнуться с тем, что губернаторы (большая их часть) не являются

харизматикамию Плюс мы не имеем харизматиков на муниципальном уровне. Нет тех людей, которые вышли и разговаривали бы с толпой в случае, если упоминавшаяся в докладе ВЦИОМ «Красная группа» протестников у нас вдруг вырастет.

Если говорить о региональных элитах, то их состав серьезно изменился. Произошел демонтаж влияния «красных директоров» и эффективных менеджеров на предприятиях. В 90-е и в начале 2000-х директор завода - это автоматический лидер мнений, как ленд-лорд в викторианской Англии. Сегодня они у нас перестали выполнять эту роль, зато произошло усиление роста силовиков, причем как формальных, так и не формальных.

Возможно, самая тревожная на сегодня тенденция – это запрос на политическое насилие, причем как на легитимном поле под лозунгом борьбы с коррупцией, так и нелегитимное насилие, на грани, то, что происходит у нас и особенно в Новороссии. Вот этот АнтиМайдан – это что такое? Это демонстрация альтернативных силовых структур, которые находятся, по сути дела, в серой зоне, но это сегодня один из кадровых лифтов. Появляются люди, которые говорят власти: «Вот у меня есть дружина молодцов, которые, если что, выйдут на улицу, не то что эти «Наши», с пионерскими галстуками и барабанами, которые все разбежались в 2011-м году, а вот у меня крутые пацаны, но эти пацаны тоже должны что-то за это иметь». К этому еще добавляется огромная армия этих охранных структур, о чем недавно говорили, героизированных уже ныне. Нам все говорили: «Давайте мы будем продвигать рабочие специальности методом монументальной пропаганды». Телевизионный сериал «ЧОП» сделали – вот она, рабочая специальность будущего. Соответственно, это проблема силового политического менеджмента, подчеркну: легитимного и не легитимного, на сегодня одна из ключевых проблем, тем более, что появляются новые экономические акторы, которые для власти, на самом деле не понятны. А у них огромные деньги, при чем очень часто это «черный нал». Это застройщики, это хозяева рынков, это ритейл и так далее, то есть это те люди, которые на самом деле являются серьезными региональными политическими игроками, в том числе против губернаторов. Где-то они их сносят, где-то они просто треплют им нервы. Но сегодня это новая политическая группа. С директором завода власть как говорила? «Иди сюда, мы объясним тебе, как надо жить». А с этими все уже гораздо сложнее, у них политическая культура другая, она только формируется.

*(в ответ на неодобрительный возглас с места):* Я вам говорю, как человек, который в регионах работает. Я говорю о том, что сейчас реально происходит.

Появляются новые политтехнологические инструменты. В частности, возвращение лоббистски-медийных антигубернаторских кампаний, которые часто заменяют собственно официальные избирательные кампании. То есть у нас кампании против губернаторов сегодня часто идут не на избирательных участках, а они ведутся на страницах средств массовой информации, при заполнении досье силовиками, при создании уголовных дел и при всевозможных разговорах в кабинетах. Это тоже проблема, что заявленный уровень политической конкуренции по факту не достигается. Хотя, конечно же, конкурентность политики в России растет. Это видно на росте рынка политтехнологий. Я думаю, что объем рынка политконсалтинга вырос в несколько раз после возвращения Путина в президентское кресло. А с возвратом одномандатных округов на выборах в Госдуму он еще вырастет.

Что для меня пока не понятно? Произойдет ли возврат влияния ВПК как регионального актора на фоне увеличения оборонного заказа? Пока это не просматривается. Единственный пример серьезного политического игрока в регионах из «оборонки» - это «Уралвагонзавод».

И коротко о рисках. Внешнее давление недооценено. И я могу сказать, что эти разговоры про нашу патриотическую элиту «Вот как они рискнули своими виллами в Куршевеле» (как говорил один из предыдущих ораторов) имеют сомнительную пропагандистскую эффективность. Бабушке, которая еле дотягивает до следующей пенсии, ей конечно утешительно, что кто-то чего-то лишился в Куршевеле, рискнул вместе с ней, как она своей пенсией. Но реально уровень давления на российскую элиту пока не так уж высок. Его сегодня включили процентов на десять. Но возможность рубильника, который в руках у западных элит, гораздо больше. Так что проблема возможной нелояльности силовиков, проблема нелояльности бюрократии существует.

Также я бы недооценивал исламский фактор, когда оказывается, что шариатские нормы имеют особое значение на уровне тех или иных регионов. А это в свою очередь создает очень серьезный риск связки националистического, либерального и левого протеста. Пока этого нет, потому что эти ребята из оппозиции, которые у нас, как известно, с хорошими лицами, продолжают исполнять свою мантру про то, что мы 14 процентов, у нас хорошие лица, а все

остальные – это вата, эти 86 процентов. Или сами они такие умные, что загоняют себя в электоральное гетто, или специально обученные старшие товарищи им помогают это исполнять.

Но сам по себе риск связки левого, националистического и либерального протеста существует. Тогда как он может быть реализован? Если наша власть заиграется в постмодерн. Потому что сегодня система управления массовым сознанием, такова: запустили волну, поиграли с ней, учитывая доминирование в средствах массовой информации, 3 месяца, полгода, редко год. Вытащат новую тему. И точно так же на ней поедут. Ну, вот у нас Украина, дай Бог, заканчивается как основная тема внутрироссийской политики. Теперь у нас борьба с тем, чтобы девочки попами не трясли. Управление политической повесткой путем запуска дымовых ракет хорошо в ситуации экономического роста, но опасно в условиях ухудшающейся конъюнктуры.

**Модератор: Ольга Крыштановская. Следующая – Алина Багина.**

**Ольга Крыштановская (ИС РАН):** Спасибо. Очень интересный доклад. И просто удовольствие получила. Замечательное интересное овеществление проблемы. Действительно очень важное. Отдельное спасибо Жене Минченко, что он немножко ушел от темы, что у нас все замечательно просто и все схвачено. В общем-то, это правда. Да, я тоже с этим согласна, что все отлично и все схвачено. И что, таких как бы явных угроз и нет. И с кризисом как-то боремся. С пирамидой протеста научились сражаться. Поодиночке выщелкиваются лидеры, дискредитируются. Информационное пространство контролируется. И так далее. Но мне кажется, что вот в этой, такой благодати кроется как раз опасность того, что можно проглядеть угрозы, которые, тем не менее, зреют. А зреют они в связи с 2017 годом и предстоящими выборами 16-го года, где будет такая некоторая генеральная репетиция. Все, что говорили про оранжевые процессы, нечто иное как электоральные революции. Новый тип революций, которых еще, не знаю, 100, 50 лет назад не существовало. Сейчас во всех странах типа нашей, где режимы похожи на наш, эта угроза есть. Поэтому к выборам надо готовиться очень серьезно. Что мне кажется, здесь недооценивается? Я думаю, что самая маленькая из всех угроз это миллионы людей на улице. Вот эти марши миллионов протестующих вот это произойдет как раз очень-очень вряд ли. Это произошло на Украине. Но произошло оно там потому, что до этого там осуществился раскол элит. И вот то, что Минченко говорил про это, это абсолютно правильная и серьезная угроза. И я вижу всего 2 такие серьезные угрозы. Это интеллигенция,

которая все-таки будет пробивать информационную блокаду. Блокада сильно сказано. Будет формировать и мемы, и мифы, то, что говорилось в последнем докладе, будет формироваться общественное сознание. И все-таки 100 тысяч недовольных, которых мы все видели на московских улицах, они никуда не делись. Они есть. Поэтому они являются почвой, питательной почвой для такой креативной деятельности. Интеллигенция и власть противостояли, и будут противостоять в нашей стране. И второе раскол элит, который казалось бы нереальный. Но понимаете, когда выходят люди, даже интеллигентные, поворчат на улицу. От этого их ворчания и стояния на площадях до реального изменения государственной системы знаете как до другой галактики. Постояли и разошлись. Страшно-то не это. Страшно, когда начинается процесс внутри элиты, когда элита чувствует, что власть слабеет. И тут начинает задумываться, а кто следующий? А кто преемник? А не организовать ли нам тут быстренько своего парнишку? И так далее. Я думаю, что все эти процессы в какой-то степени, Михаил Эгонович справедливо говорил про экономические факторы, но, по моему, не говорить совсем про политические факторы. Я имею в виду, возникли они прямо из-за президентства Дмитрия Медведева, который устроил нам небольшую оттепель. И все эти оттепели, они заканчиваются очень плохо. Потом уговорить народ было очень сложно. Я не говорю, хорошо это или плохо. Ну, в момент, но, тем не менее, приход, возвращение Путина к власти, оно было очень стрессовым. Очень стрессовым. С декабря по март, по май даже это были все-таки реально стотысячные митинги на улицах. И казалось, что все шатается уже. Сейчас забыли как-то. Поэтому вопрос должен задаваться следующим образом: а что, собственно, нужно создавать. Вот она такая же консолидированная. Это же карман медийный, а что? И тут как раз парадоксальный такой момент возникает, что если президент начинает действовать под влиянием общественного мнения и борется с коррупцией, то он как раз создает фактор раскола элит. Потому что элита начинает напрягаться, что это копье может быть вонзено именно конкретно в мое тело. Возникает страх. Я знаю, что этот страх уже присутствует в определенных группах, которые думают, а куда собственно деваться и будет ли это? Более того, это часть элиты, которая сейчас уже напряжена, она боится следующего. Рейтинг высоким не бывает бесконечно. После всякого подъема наступает спад. И как с этого спада предположим, ну еще не 15-й год, предположим в 16-м году, как же нам выйти на 18-й? Наверное, борьба с коррупцией будет замечательно воспринята народом. И рейтинг опять



подпрыгнет. Но удар по элите будет нанесен. И этот фактор может постепенно создавать такую ситуацию, когда люди готовят запасные аэродромы. Пока это все слабо. Пока нельзя говорить о том, что это такая реальная угроза. Но она может стать угрозой, если этот процесс запустить. И так поблагодарить немножко, что все в порядке, все смачно. Поэтому мне кажется, что необходимо продумывать моменты падения рейтинга. Seriously надо думать и о великих стройках, и о всяких душеподъемных вещах, и обо всем, что может после этого спада поднять, но не расколоть элиту.

**Модератор: Спасибо. Алина Багина. Следующий – Виктор Левашов. И, коллеги, я думаю, мы минут через 10-15 закончим. У нас осталось только три записавшихся. Алина, пожалуйста.**

**Багина Алина (исследовательская служба «Среда»):** Спасибо. Предложу вниманию присутствующих три гипотезы, навеянные прозвучавшими докладами. Эти гипотезы, возможно, кому-то покажутся наивными, ибо не связаны с теорией модернизации. Во-первых, это гипотеза о том, где мы находимся сейчас. Во-вторых, несколько лирическая рифма сегодняшней ситуации с историческим опытом СССР. В-третьих, практическое предложение, открытый вопрос к присутствующим.

Первая гипотеза – о том, где мы сейчас. Рискну высказать следующее суждение: сейчас мы в точке, в которой прогноз невозможен. Доклады показывают нам ситуацию амбивалентную, термодинамически неустойчивую. В докладе М.Э.Дмитриева можно услышать о том, что мы сейчас приближаемся к *«перезагрузке в 00-е без нефти»*. Точка разбегания сценариев, точка бифуркации непредсказуема. Возможна высокая чувствительность к внешним провокациям, - как говорит господин Слесаренко, «цель не ясна»; к внутренним, - нам напомнили в предыдущем выступлении про риск раскола элит. «Черные лебеди» летят с разных сторон, социальные процессы запускаются просто, как пишет Джин Шарп в «Памятке для бархатных революций». В такой ситуации, может быть, стоит идти к прогнозу на *завтра* не из *сегодняшнего*, а из *послезавтрашнего* дня. «Послезавтра» оказывается понятнее, чем «сегодня». Думая о будущем, что сразу приходит в голову: нас ждет ухудшение демографической ситуации; одновременно, религиозный радикализм набирает силу. Точка встречи неясного «российского сегодня» с долгоиграющим трендом может быть интересной, и в ней то, что сегодня выглядит как проблема, может

оказаться решением глобальных задач, особенно если смотреть на них, учитывая постсекулярный контекст.

Вторая гипотеза. В своем докладе господин Чернозуб говорит о высоком «страхе войны». С этим хочется согласиться, уточнив, что это - страх реальной войны. Потому что в мифической войне мы уже победили. Россия в ней не воюет с Украиной, а побеждает своего главного врага со времен холодной войны. Что в результате? Экономика какая-то странная, зато семьи становятся крепче, рождаемость растет, отмечается социальная консолидация, патриотизм зашкаливает. К слову, мы, служба «Среда», второй год проводим пасхальный мониторинг социальных сетей, так вот, в два раза увеличилось по сравнению с прошлым годом количество сообщений с «пасхальной радостью». Так вот, что может быть в этой связи. Отбирать у народа победу нельзя, даже если она не очень настоящая. А что делать? Может быть, «заморозить» ее? Как? Когда в современности, на недавней исторической памяти, мы были победителями? В 1950-х. Хрущев, «Малая Родина». Не случайно в обсуждении прозвучало слово «хрущевки». Заземление патриотизма. Земство. Заморозить победу в холодной войне, «в землю» ее, чтобы проросла..

Третье, более конкретное предложение. Как отмечает И.Е.Дискин, сейчас происходит встреча ценностей и интересов. Возможно, сегодня у нас на глазах, - если мы способны это увидеть, - происходит конструирование новой политической религии. Патриотами стали все. Но это очень разный патриотизм. Российское общество не является гомогенным. Только в наших скромных исследованиях мы видим как минимум четыре разных типа патриотизма, подчас с разнонаправленными векторами. Россия сегодня это своего рода *melting pot* рационального с иррациональным. В этой связи предложение: рационально подойти к патриотизму. Исследовать его, изучать. Социум – это своего рода коллоидный раствор, электролит. Возможно, от того типа патриотизма, который «победит», прорезонирует, будет зависеть цвет нашего общества в будущем. Станет ли оно красным, белым, зеленым, оранжевым, коричневым или каким-то еще. Спасибо за внимание.

**Модератор: Виктор Левашов. За ним Алексей Зудин и Глеб Павловский. И на этом заканчиваем.**

**Левашов Виктор (ИСПИ РАН):** Спасибо. Уважаемые коллеги, спасибо за доклады, которые вы сделали. На мой взгляд, они действительно интересны и

позволяют понять сущность проблемной ситуации, в которой находится в настоящее время российское гражданское общество и государство. Если попытаться перечислить переменные, то я бы обратил внимание на события, которые были связаны с падением курса рубля, затем – эффект санкций, фактор Крыма и фактор войны с Украиной. Вот эти факторы, на мой взгляд, будут составлять проблемное поле социальной жизни общества и государства сейчас и в будущем. Именно эти факторы в последнее время создали настроение неудовлетворенности и тревожности и в российском обществе, и в российской элите. Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что в апреле месяце исполнилось 30 лет с начала реформ. Апрельский пленум ЦК КПСС провозгласил курс на ускорение социально-экономического развития. Эти 30 лет прошли под знаком реформ и кризисов. Я насчитал 6 кризисов за 30 лет. Два последние кризиса: глобальный 2008-го и российский 2013 – 2015-го годов оказались самыми тяжелыми. Они поколебали устои неолиберальной идеологии, которая была вынесена в практику и публичную дискуссию в 1991-м году. Массовое сознание российского общества 1985 и 2015 годов похожи настроениями неудовлетворенности, тревоги и надежды на лучшее. Ситуацию, сложившуюся в обществе к настоящему моменту, я бы охарактеризовал как концептуальный тупик развития. Стало абсолютно ясно, что ни общество, ни элита не удовлетворены результатами реформ, в первую очередь, их неустойчивостью к кризисам. Стало ясно, что наша экономика не суверенна, что наше экономическое развитие слишком часто зависит от турбулентности мировых рынков. Стало ясно, что нужно создавать новую экономику, наделенную эффектом мембраны, которая будет отсекалть риски идущие к нам из-за границы, и создавать запас прочности для социально-политической стабильности, и для социально-экономического развития. Такие настроения овладели как обществом, так и элитой. На мой взгляд, события в Крыму и война на Украине, и самое главное – последовавшие действия американской администрации вытолкнули значительную часть российской политической и экономической элиты из поля влияния США. Санкции создали такие условия, когда российская элита вынуждена перейти в другой режим развития. Социально-политический и социально-экономический сценарии, на мой взгляд, будут зависеть как раз от того как быстро и насколько эффективно экономическая и политическая элита и общество усвоят и адаптируются к этой новой социально-экономической и социально-политической реальности. Мы уже

не будем жить в обществе образца 1991 – 2014-го года. Мы вступаем в новый этап своего развития с новыми качественными характеристиками. Спасибо.

**Модератор: Новый мир. Алексей Зудин и затем Глеб Павловский.**

**Зудин Алексей (ВШЭ):** Спасибо. С моей стороны тоже спасибо Михаилу Львовичу. Связанная и осмысленная картинка, к которой все будут обращаться. Вот. Но, тем не менее, мне кажется, что с марксизмом надо бороться. С марксизмом и его как бы последователями в самой различной форме. Почему? Схема Трейсмана, которая была оценка, не нужно забывать, что эта схема в своей основе, я имею в виду там, где она впервые в динамическом ряду фиксировала значимые взаимосвязи, она очень уязвима. И эта уязвимость, она вылезла на передний план, когда схема тестировалась, насколько я помню, в первый раз в 2006 году в Высшей школе экономики. Меня подставили. Меня назначили дискусантом, то есть оппонентом Трейсмана. Я значит чуть не умер от ужаса. Вот. Но, тем не менее, какую-то осмысленную работу сделал. И вот то общее представление о его схеме, то, как она сделана, вот я сейчас излагаю. На этом самом этапе, то есть конец 99-го года и по 2000-й год больше всего оговорок, больше всего допущений и больше всего темных мест. А дальше у нее появляется великолепная между уровнем нефтяных цен и поддержкой президента Путина. На что я ему указал. Возможно отчасти поэтому, но не надо преувеличивать степень влияния самой вселенной по другим причинам. Теперь это превратилось уже без нефтяных цен в экономическую политику президента. Но согласитесь, что внутри экономической политики сидит лукавое. Но мы же с вами понимаем, что это нефтяные цены. И поэтому уязвимость исходной схемы, она сохраняется. Так что, с Трейсманом, несмотря на все его величие нужно аккуратней. Далее. Вот эти как бы разговоры о том, как экономические мотивы в ходе поступательного развития сменяются мотивами и ценностями более высокого уровня, и о том, как возврат к экономическим мотивам означает движение в сторону демодернизации, я невольно вспомнил о персонаже из известной книги Стругацких. Да, Кадавр-желудочно-неудовлетворен. Там была попытка создать модель человека коммунистического будущего, а получился этот самый Кадавр. Вот у нас невольно при вот этой линейной логике восхождения от более примитивных к высоким соотношениям ценности к потребностям воспроизводится этот самый Кадавр. Нам он не нужен. В этой картинке отсутствуют два обстоятельства, значимость двух факторов. Они на нашей динамике играли очень большую роль. Первые это факторы, связанные с

безопасностью личной и коллективной. И второе это факторы, связанные более широким кругом коллективных ценностей. У Трейсмана они отсутствуют вообще. А у Михаила Львовича они присутствуют, по-моему, в недостаточной степени. Если их включить, особенно последний, тогда фраза уважаемого мною и рядом сидящего Иосифа Дискина немножко как бы становится не вполне адекватной. Было сказано, что Крым поспел вовремя. Но вовремя в каком смысле? Вот у Михаила Львовича случалось, что он сыграл роль тумблера, переключив энергию с одного на другое. Согласен. Судя по всему, так оно и было. Здесь важно другое. Что к этому моменту все созрело. К этому моменту по ВЦИОМ-у и по ФОМ-у произошел существенный рост нематериальных активов страны. С точки зрения коллективной самооценки представление того, что мы живем в более современной стране, более сильной, более богатой и так далее. Я сейчас говорю о субъективных оценках. Поэтому Крым попал очень в точки и стал логическим завершением этого процесса. И по этим причинам посткрымская ситуация при всей как бы неустойчивости, она до конца обратимой быть не может. Там обосновался некий субстрат, обладающий исключительно высокой устойчивостью. Далее. Наличие пола для рейтинга, некой страховочной сетки, а возникновение ее после Крыма вряд ли стоит оспаривать. Так вот возникновение этой страховочной сетки никоим образом не ликвидирует возможность и вероятность дестабилизации политической ситуации. Потому что всегда остается пространство и множество, которое это пространство заполняет за пределами вот этого самого большинства внутри рейтинга. И по этим причинам вещи, о которых говорил покинувший нас господин Орлов, становятся значимыми. Социальная повестка и спрос на социальную справедливость. Да, Крым остался устойчивым субстратом, но дальше повестка, ее необходимо модифицировать. Если этого не произойдет, то будет происходить постепенная утрата высокой исходной энергетики этого самого субстрата. Ну и наконец, как бы самое последнее. Спасибо господину Слисаренко за формулировку. Да вероятность успеха Оранжевой революции невелика, но вероятность того, что ее попробуют, остается достаточно высокой. Для этого мы очень часто как бы дементизируем себя факторами внутренней ситуации, исключаем оценку характера внешних игроков, которые тоже участвуют. А как мы можем их оценить? Для них подобного рода затраты это из разряда низко затратных действий. Им больших усилий и затрат запуск этого механизма не стоит. Это первое. Второе. Их эмоцию и настроение можно определить как смесь агрессивности, высокомерия, озлобленности и веры

в то, что получится. Раньше же получалось. И последний момент еще появляется – а что мы теряем, если мы попробуем? Ну и наконец, самое последнее. Это то, о чем говорил справедливо Женя Минченко. Политическое насилие. Важность этого обстоятельства начинает увеличиваться. Оно начинает, понятное дело, увеличиваться в неких маргинальных средах. Но в социальных сетях обнаруживаются повышенные симпатии нигилистов, террористов. Это точно. Спасибо.

**Павловский Глеб (Фонд эффективной политики):** Проблема в чем? Прежде чем что-то предсказывать, нам надо провести минимальную демаркацию точки, куда мы попали. Совершенно верно было сказано, что мы находимся в прогностическом состоянии «ноль». Михаил Эгонович, желая прогнозировать, сам же показал, что только за 2014 год прошло два слома. Две эпохи за год! Это говорит о столь высокой нестабильности, что спрогнозировать пока ничего нельзя. Скорей, есть поле политических задач. После таких зигзагов, как в 2013-2015 гг., политика должна создать пространство передышки – для освоения нового, и дать людям возможность его освоить. Остыть и освоить, представив для этого какие-то простые политические и экономические процедуры. Средства конвертации перемен в большом мире в небольшие личные выгоды. Ничего этого пока не видно. Политики, направленной на освоение «посткрымских» возможностей для населения – нет.

Зато возникают новые бенефициары нестабильности. Можно их бесконечно перечислять, но все это будут догадки, раз нет публичного пространства, в котором они себя могут проявить. Так что мы и не будем знать, кто эти странные парни, о которых тут говорил Минченко. Мы описываем невидимую, неизвестную нам онтологию. Хочется сделать ее более прозрачной.

Интересны колебания потребительских индексов, о которых говорилось в докладах социологов. Они наводят на мысль о несколько безрассудном отношении людей к долгам, что, собственно говоря, и наблюдается статистически, если говорить о потребительском кредитовании. Непосредственно это пока не стало политическим фактором, но однажды станет им, причем в неподходящий момент. Это выстрелит, как минимум в качестве политического лозунга списания долгов.

Есть общественный раскол у нас или нет? Есть. Для раскола не нужны сотни тысяч на улицах. Раскол создают сигналы сверху. Когда власть ежедневно

шлет сигналы о ригидности своего отношения к обществу, она поддерживает атмосферу раскола. Все остальное доделают сами люди. При оскудении средств социальной интеграции, силовые установки – то, что остается при отливе политических.

Относительно «большинства». Здесь надо прямо сказать, что надо исследовать это политическое использование большинства, оно в принципе отделилось от институтов выборов. Сегодня ведут игру по наращиванию большинства, к созданию искусственных всплесков «подавляющего большинства». Не очень понятно, на что направлена эта игра отдельно от выборов. Как это «подавляющее большинство» конвертировать и как его поддерживать столько времени? Ведь речь идет о еще 2 годах, как минимум.

Интересно, что в названный здесь период, период максимального недовольства рабочих – май-июнь 2010 года, – это как раз те два месяца, когда рейтинги Путина и Медведева сблизилась и соприкоснулись. Именно в мае-июне они совпали, после опять стали расходиться.

Здесь смешивали индикаторы протестности и внутренней нестабильности – это полицейский подход. Нестабильность в бюрократическом смысле надо отличать от проникающей латентной нестабильности, пока не имеющей выражения.

Здесь нечто похожее на такой параметр 1999-го, и 1996-1998 гг. как страх ухода. Латентный страх ухода первого лица. Можно поспорить о связи страхов и тревог, страх не прямо ведет к иррациональному поведению. Страх свидетельствует о реальности, это сигнал реальности, а вот реакция на реальность бывает иррациональной. Сегодня ландшафт индуцирует страх ухода Путина. Очень глубинный, затаенный, но сильный страх. И в этом ландшафте он будет скрыто расти, пока его не взорвет какое-то внезапное событие.

Относительно «оранжевых революций». Более русской модели революции, чем Майдан, перешедший в Донбасс я представить не могу. Эталон, демонстрирующий беспокойным людям, как им надо действовать, если они хотят чего-то добиться. Донбасс будет оставаться для нас эталоном «цветной революции», впечатляющим сильнее, чем любой сериал. Это образ успешного несистемного поведения, и есть горячие парни, которые к этому склонны. Но эти парни – не американцы и не либералы. Спасибо.

**Модератор: Успокоили. Спасибо. Спасибо всем. В следующий раз, я думаю, встретимся на майских и в другом месте. До новых встреч.**